

ВВЕДЕНИЕ

I. Источники и история изучения кетского языка

Кеты проживают в Туруханском районе Красноярского края по берегам Енисея и его притокам — Сыму, Дубчесу, Подкаменной Тунгуске, Бакланихе, Бахте, Елогую, Сургутихе, Пакулихе, Имбаку, Турухану и Курейке; общее число их около 1000 человек.

Кроме енисейских кетов до середины XVIII в. существовали еще и другие кетоязычные народности в Западной Сибири, а именно: к северу от Красноярска — арины; к югу от Красноярска, за Енисеем до Кана — ассаны и котты; в верховьях Кети — пумпоколы. Кроме того, кеты были представлены среди бачатских телеутов (ашкиштимы) и койбалов (койбалкиштимы). Древние места расселения кетов и их миграции выяснены по данным топонимики¹⁾.

О языке ашкиштимов, не считая отдельных топонимов, никаких сведений не имеется. По всем остальным кетским наречиям мы располагаем записями, произведенными по заданию Академии наук в первой половине XVIII в.²⁾. Языковые материалы, содержащиеся в них, позволяют установить целый ряд звуковых соответствий, которыми были связаны эти наречия, и некоторые особенности их морфологического строения³⁾.

Научное изучение кетского языка начинается с работ талантливой и неутомимой ученой Александры Кастрена, который вместе со своим коллегой И. К. Бергстади собирал

---

¹⁾ Ср. А. П. Дульзон. Древние смены народов на территории Томской области по данным топонимики. Ученые записки Томского пединститута, т. 6, Томск, 1950; Кетские топонимы Западной Сибири. Там же, т. 18, 1959; Былое расселение кетов по данным топонимики. Вопросы географии, т. 63, Москва, 1962; Общее название реки у кетоязычных народов. Ученые записки Дальневосточного университета, вып. 5, Владивосток, 1962.

²⁾ А. П. Дульзон. Словарные материалы XVIII века по кетским наречиям. «Ученые записки Томского пединститута», т. 19, вып. 2, Томск, 1961; И. С. Вдовин. История изучения палеоазиатских языков. Москва, 1954.

³⁾ А. П. Дульзон. Кетские наречия XVIII века. «Труды Томского областного краеведческого музея», т. 6, вып. 2, Томск, 1962.

в 1846 и 1847 годах материал по языку кетов в деревнях Андиферово, В. Имбацк, Бахта и Назимово. Кроме того, А. Кастрен записал значительный материал по коттскому языку у пяти человек, знавших тогда еще этот язык и проживавших в Агульском улусе между камасинцами на реке Агул, притоке Кана.

На основании этих материалов была написана подробная грамматика со словарем енисейско-кетского и коттского языков, изданная посмертно А. Шифнером⁴⁾. В своей книге А. Кастрен впервые выделил два основных диалекта енисейско-кетского языка, сымский и имбатский, указав их отличительные признаки; особенно подробно им описано сымское наречие.

В 1858 году князь Костров опубликовал⁵⁾ 33 кетских слова и 11 фраз и словосочетаний без указания источника записи. Судя по особенностям фонетики и формообразования некоторых слов, запись была произведена у носителей сымского наречия.

В 1869 г. была опубликована содержательная работа П. Третьякова⁶⁾, в которой приводятся около 130 енисейско-кетских слов, в том числе названия месяцев года.

В описании своего путешествия по Сибири, опубликованном в 1875 году, А. Т. Миддендорф приводит несколько слов и выражений из сымского наречия; особый интерес представляют его записи числительных по двум говорам⁷⁾ этого наречия.

В начале XX в. исследованием антропологии и этнографии кетов занимался В. И. Анучин, опубликовавший ряд работ. Много ценного материала по языку кетов (свыше 100 слов и выражений) содержит его монография о шаманстве⁸⁾. В. И. Анучин записал также 24 валика фонограмм с текстами енисейско-кетских песен.

В 1907 году появилась статья Г. Рамстедта о происхождении енисейских кетов⁹⁾, в которой высказана мысль о том, что кетский язык обнаруживает словарное сходство с языками юго-восточной Азии. Этот вывод сделан на основании

---

4) M. A. Castréns Versuch einer jennissei-ostjakischen und kottischen Sprachlehre, St. Petersburg, 1858.

5) Очерки Туруханского края. Записки Сибирского отд. импер. Русск. географического общества, кн. 4, СПб., 1858.

6) Туруханский край: ЗИРГО по общей географии, т. 2, СПб., 1869. Туруханский край, его природа и жители. СПб., 1871.

7) A. Th. von Middendorffs Reise in den äußersten Norden und Osten Sibiriens, Band 4, Theil 2, St. Petersburg, 1875, S. 1434—1435.

8) См.: «Советская этнография», № 3—4, 1931, стр. 246; ср. также: Я. С. Довинин. История изучения палеоазиатских языков. М.—Л., 1954, стр. 164.

9) G. Ramstedt, Über den Ursprung der sog. Jenissei-Ostjaken, Journal de la Société finno-ougrienne, Helsingfors, Bd. 24, 1907.

сравнения числительных 2—7 и некоторых других слов. Из-за крайней недостаточности сравниваемого материала и упрощенной методики сопоставления эти выводы не могут быть признаны убедительными. Следует заметить кроме того, что сопоставления грамматической структуры этих языков Г. Рамстедт не производил. Наши же исследования показывают, что кетский язык представляет собой язык с довольно развитой системой аффиксов¹⁰); это отличает его коренным образом от языков юго-восточной Азии.

В 1911—1913 годах по северу Западной Сибири путешествовал К. Доннер, известный финский исследователь. Им был собран большой и очень ценный материал по языку и этнографии енисейских кетов, частью опубликованный им самим в ряде работ, а частью появившийся в обработке А. И. Йоки после смерти автора. В одной из своих статей, посвященных описанию строя кетского языка¹¹), К. Доннер дает лингвистически безукоризненное описание фонетики енисейско-кетского языка с очень детализированным выделением различных оттенков отдельных звуков, затемняющим, правда, фонематическую систему этого языка. Особо интересны наблюдения автора об оглушении гласных и носовых согласных в конце слова и употреблении гортанного смычного согласного.

В области грамматики К. Доннер внес целый ряд важных дополнений к данным А. Кастрена. Прежде всего следует отметить различные уточнения по вопросу о роде в кетском языке. Уже А. Кастрен привел конкретный материал, позволяющий сделать вывод о классификации существительных на названия одушевленных и неодушевленных предметов в кетском языке; К. Доннер выяснил, что такая классификация имеется также и в кетском языке. Кроме того, К. Доннер установил различие в склонении названий одушевленных предметов в зависимости от пола этих предметов: различие это налицо в родительном, дательном, местном и исходном падежах; названия неодушевленных предметов, как правило, принимают те же окончания, что и названия одушевленных предметов женского пола. Пол (и лицо) различаются также в предикативных формах прилагательного. Для кетского языка А. Кастрен отметил своеобразие спряжения переходных глаголов — с инфиксами, указывающими на лицо объекта, а также на пол в 3 л. ед. числа. Наличие этой же особенности в енисейско-кетском подмечено было К. Доннером, указавшим, кроме того, еще некоторые особенности оформления переходных глаголов

---

¹⁰) А. П. Дульзон. Аффиксация как метод передачи грамматических значений. Томск, 1962. О связях кетского языка с языками восточной и юго-восточной Азии автором подготовлена к печати особая работа.

¹¹) К. Donner. Über die Jenissei-Ostjaken und ihre Sprache. *Journal de la Société finno-ougrienne*, 54, 1930.

при наличии неодушевленного объекта¹²⁾). К своей статье К. Доннер приложил текст сказки; текст другой сказки из записей Доннера опубликовал в 1955 г. Йоки, который в 1958 г. издал¹³⁾ дополнительно еще 4 сказки и 34 загадки, записанные К. Доннером.

В 1927 г. появилась статья В. Г. Богораз¹⁴⁾ в сборнике «Памяти М. А. Кастрена». В ней опубликован текст сказки, записанной Н. К. Каргером, и приведены ценные замечания о строе кетского глагола по материалам Н. К. Каргера. В частности, здесь указывается, что переходные глаголы изменяются в зависимости от дополнений, соответственно их одушевленности, неодушевленности, роду и числу. Следует указать еще, что В. Г. Богораз отождествлял кетов с динглинами (динг-линг) на основании того, что они называют себя денг, динг, что значит «люди». До него эту мысль развивал Г. Э. Грум-Гржимайло¹⁵⁾; хотя это толкование и получило широкое распространение в исторической литературе, все же его нельзя признать достаточно обоснованным.

Материалы исследований упомянутого уже выше Н. К. Каргера были опубликованы в 1934 г.¹⁶⁾ в виде краткого, но очень стройного и содержательного очерка грамматики кетского языка, к которому приложен текст сказки; Н. К. Каргер, кроме того, записал в 1927 г. 48 валиков фонограмм¹⁷⁾ с текстами песен и шаманских камланий, которые до сих пор никем не использованы. В этом же году появился его букварь кетского языка¹⁸⁾. После краткого очерка фонетики кетского языка Н. К. Каргер в своей грамматике рассматривает образование и употребление форм имени существительного, прилагательного, числительного, местоимения, глагола и наречия. Из вопросов более частного характера следует отметить, что Н. К. Каргер устанавливает для кетского языка наличие деления существительных на неодушевленные и одушевленные, а у последних по половой принадлежности на мужские и женские; эти классы существительных получают различное оформление падежными аффиксами. Не подмечен только имеющийся в кетском языке значительный падеж с аффиксами **дат** и **дит**. У прилагательного Н. К. Каргер установил нали-

¹²⁾ Ср. Ketika. Materialien aus dem Ketischen von. K. Donner, bearbeitet von A. J. Joki, Helsinki, 1955, S. 30, 36 u. a. Содержательную рецензию на эту книгу написал К. Боуда, Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, Bd. 108/2, S. 429—444.

¹³⁾ Ketica. Supplement. Helsinki, 1958.

¹⁴⁾ В. Г. Богораз. Кастрен — исследователь палеоазиатов. Памяти М. А. Кастрена, Л., 1927.

¹⁵⁾ Г. Э. Грум-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край. Л., 1926, т. 2, стр. 15 сл.

¹⁶⁾ Н. К. Каргер. Кетский язык. «Языки и письменность народов Севера», ч. 3, 1934.

¹⁷⁾ См.: «Советская этнография», № 3—4, стр. 247.

¹⁸⁾ Н. К. Каргер. Bukvar, L., 1934.

чие особого предикативного аффикса-м, указывающего на неодушевленный предмет, а в формах переходного глагола наличие особых способов обозначения неодушевленности дополнения.

В 1927—1928 годах исследованием кетов занимался этнограф Х. Финдейзен, собиравший также материал по их языку. Одну из записанных им сказок в двух вариантах опубликовал И. Йоки¹⁹⁾. Материал этой сказки, а также другие неопубликованные данные этого исследователя использовал К. Боуда в своей статье о языке енисейских кетов²⁰⁾, к рассмотрению которой мы перейдем несколько дальше.

В 1933 г. появилась содержательная статья Э. Леви о кетском языке²¹⁾, написанная на основе опубликованных к этому времени материалов. В ней автор уделил большое внимание изучению сложной структуры кетского глагола и классификации его формообразования, внося немалый вклад в расшифровку некоторых казавшихся загадочными грамматических форм. Этому же вопросу посвятил свою первую работу о кетском (коттском) языке К. Боуда, основываясь на скудных материалах А. Кастрена²²⁾.

В своей главной работе по кетскому языку, упомянутой уже выше и написанной по литературным данным с использованием рукописей Х. Финдейзена, К. Боуда подробно рассматривает словарные связи кетского языка с другими языками, а именно: с самодийскими, финно-угорскими, восточно-тюркскими, тунгусскими, русским и некоторыми другими. Следует сказать, что К. Боуда из русских заимствований рассматривает только наиболее древние. По нашим наблюдениям в современном кетском языке больше всего заимствований из русского языка, их не менее 1000. К ним относятся названия месяцев года, дней недели; названия многих народов и различных государств; термины школьного дела и здравоохранения; термины науки и техники, общественно-политическая терминология, термины домостроительства, земледельческого хозяйства, названия различных не местных животных и растений. Характер этих слов по обозначаемым предметным сферам красноречиво говорит о том, какое большое значение имело для кетов общение с русским народом для поднятия его материальной и духовной культуры.

Основное внимание в рассматриваемой работе К. Боуда уделено изучению строя кетского глагола, вопросам его классификации и формообразования. К. Боуда вплотную подошел

¹⁹⁾ Ketica, S. 125 ff.

²⁰⁾ K. Bouda. Die Sprache der Jenissejer. Anthropos, Bd. 52, 1957.

²¹⁾ E. Levy. Zum Jenissei-Ostjakischen. Ungarische Jahrbücher, Bd. 13, Berlin-Leipzig, 1933.

²²⁾ K. Bouda. Das kottische Verbum. Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, 22, 4, Leipzig, 1937.

к разгадке строя кетского глагола. Автор прав, выделяя в составе глагольной формы показатели субъекта, объекта, числа, времени, наклонения, одушевленности или неодушевленности и уточнители локального характера; но недостаточно выделены им же подмеченные показатели вида; автор показывает, что глагольные формы могут быть образованы путем префиксации или суффиксации, в ограниченной мере также путем инфиксации, но не выяснено, почему это происходит.

Новую точку зрения по вопросу о происхождении кетского языка выдвинул О. Тайер²³⁾; основываясь на ряде словарных и морфологических сходжений, он сближает кетский язык с баскским и иберийско-кавказскими языками. Аналогичную мысль высказывал Н. Я. Марр. Эти попытки вывести родственные связи кетского языка за пределы Сибири пока не привели к приемлемым результатам.

С 1948 года изучением кетов и их языка занимается кафедра языкознания Томского педагогического института. Вначале изучался вопрос о происхождении кетов и их миграциях по данным топонимики. С 1955 до 1966 года кафедра усиленно занималась сбором материалов по лексике и грамматике, а также связных текстов для составления словаря и грамматики с охватом всех диалектов и говоров. В экспедициях к кетам, кроме автора, принимали участие: М. А. Абдрахманов, В. Т. Пузанкова, А. И. Кузьмина, Г. К. Вернер, Т. И. Порогова, С. П. Ламова, Р. Ф. Деннинг, М. И. Валл, Л. Е. Виноградова, В. С. Бибилова. Картотека словаря кетского языка составляет около 100 печ. листов; сборник текстов, преимущественно сказок, опубликован²⁴⁾. Кроме того, в фонотеке института имеется 20 км записей различных текстов на магнитофонной пленке.

С 1956 г. изучением кетов занимается этнограф Е. А. Алексеев. За истекшее время она собрала также обширный и ценный материал по языку, записывая названия различных бытовых предметов и связанных с ними действий; кроме того, ею производились сборы фольклорного материала в фонетической записи и посредством магнитофона²⁵⁾.

Полевыми исследованиями говора дер. Суломай относящегося к имбатскому диалекту кетского языка, в 1959 и 1961 годах занимался Е. А. Крейнович в целях изучения строя

²³⁾ O. G. TAILLEUR. Un ilot basco-caucasien en Sibirie. Orbis, Louvain, t. 7, 1958.

²⁴⁾ Кетские сказки. Томск, 1966. Часть из них опубликована в «Ученых записках Томского педагогического института» т. 20, вып. 2, Томск, 1962, том 21, вып. 1, 1964, том 22, 1965.

²⁵⁾ См. Е. А. Алексеев. Поездка к кетам Елогуя, Советская этнография, 1959, № 1. Культ медведя у кетов. Там же, 1960, № 4; Средства передвижения кетов. Сибирский этнографический сборник, 3, Москва, 1961; Материалы по культуре и быту курейских кетов. Там же, 4, 1962.

кетского глагола. О результатах своей первой поездки Е. А. Крейнвич сообщает в статье, посвященной вопросу о роде кетского языка²⁶).

В 1962 году была проведена комплексная экспедиция к кетам институтом славяноведения АН СССР в составе В. В. Иванова, В. Н. Топорова, Б. А. Успенского и др. По материалам экспедиции опубликовано несколько работ²⁷).

Подробная библиография работ о кетах и их языке опубликована в 1957 году²⁸).

2. Процессы диалектно-языкового смешения у енисейских кетов

Процессы взаимодействия языков и диалектов возникают, как известно, в тех случаях, когда разноязычное население вследствие наличия тех или иных общих интересов вовлекается в речевое общение и начинает искать общий язык, обеспечивающий беспрепятственное и точное взаимопонимание. Потребность в таком общем языке острее всего ощущается в том случае, когда носители различных диалектов или языков становятся членами одного и того же хозяйственного коллектива, в пределах отдельного населенного пункта или района, т. е. при внутрорегиональном контактировании языков. В этих условиях, при наличии достаточного числа общих черт в сталкивающихся диалектах одного и того же языка или близкородственных языков, складываются смешанные диалекты, объединяющие в одной системе различные особенности, до этого существовавшие отдельно в различных диалектах. Эти компромиссные образования, возникшие на основе уступок со стороны носителей первоначально различных диалектов, в известной мере ущемляя их индивидуально-групповые интересы, отвечают общим интересам нового, более крупного коллектива и поэтому как раз и возникают.

В разных местах своего расселения кеты соприкасаются с различными народностями: с ненцами, энцами, эвенками и селькупам; кроме того, на всей территории расселения кетов встречаются также и русские поселения. В процессе общения кеты заимствовали из всех языков указанных народов немало слов и выражений. Особенно много заимствований, начиная с 1917 года, восходит к русскому языку. Мож-

---

²⁶) Е. А. Крейнвич. Именные классы и грамматические средства их выражения в кетском языке. «Вопросы языкознания», 1961, № 2.

²⁷) В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Лингвистические вопросы этногенеза кетов в связи с проблемой вхождения их в циркумполярную область. Москва, 1964; Б. А. Успенский, замечания по типологии кетского языка. Вопросы структуры языка, М., 1964. Готовится «Кетский сборник», I.

²⁸) R. Jakobson, G. Hüttl-Worth, J. F. Beebe. Paleosiberian peoples and languages, New-Haven, 1957.

но отметить также некоторые случаи воздействия неродственных языков на звуковую систему и морфологию кетского языка. Однако легче всего и глубже процесс изменения языковой системы протекает при взаимодействии различных говоров и диалектов одного и того же языка; именно этот случай мы подвергнем дальше подробному рассмотрению.

Как уже указывалось, А. Кастрен выделил в енисейско-кетском языке два диалекта — сымский и имбатский. Правомерность их выделения не вызывает сомнений: между ними имеются, как мы увидим дальше, глубокие различия в области фонетики, морфологии и лексики, сильно затрудняющие взаимопонимание носителей этих диалектов. Внутри имбатского диалекта А. Кастрен выделил говоры верхне-имбатский и бахтинский (по р. Бахте), а внутри сымского — назимовский; но в чем заключалось их различие, не выяснено. Н. К. Каргер в своем очерке грамматики — по месту сбора своих материалов — описывает, как он выражается, нижне-имбатское наречие; кроме того, он вскользь упоминает, указывая на единичные особенности, диалекты Подкаменной Тунгуски и Елогуя и говор кетов р. Дубчес. З. Е. Черняков выделяет в кетском языке следующие диалекты: 1) нижне-имбатский, 2) верхне-имбатский, 3) подкаменно-тунгусский и 4) сымский²⁹). Фактическими данными это подразделение не обосновывается. Материалы наших наблюдений, простиравшихся на все места современного проживания кетов, показывают, что почти везде можно найти те или иные отдельные особенности диалектного характера, но нет таких комплексов дифференцирующих признаков, которые позволяли бы выделить внутри двух диалектов А. Кастрена четко отграниченные подгруппы диалектов и говоров. Это обстоятельство побуждает нас отказаться от такого подразделения; целесообразно говорить только о говорах имбацкого диалекта, в зависимости от места проживания их носителей: говор кетов р. Курейки, Бахты, Елогуя, Сургутихи, Пакулихи, Подкаменной Тунгуски и т. д. Все эти говоры сейчас смешанные. Детальное изучение собранного материала и будущие дополнительные сборы позволят со временем установить первоначальную диалектную группировку кетов, хотя бы для XVI века.

Процесс смешения различных групп кетоязычного населения, судя по данным топонимики, шел уже до начала русской колонизации Сибири. Проживавшие на Среднем и Нижнем Иртыше кеты переселились по Васюгану, Кети и Тыму на Енисей, Сым и Дубчес; русские в XVI в. застали еще кетов на устье Тыма. Наличие двух говоров или диалектов

---

²⁹) З. Е. Черняков. Карта распространения языков народов Севера СССР. Языки и письменность народов Севера, ч. 3, М.—Л., 1934.

у иртышских кетов, икающего и экающего, доказывається не только тем, что варианты с «е» или «и» (сес — сис) до сих пор еще представлены у их потомков на Енисее, но особенно тем, что эти две особенности имели четко отграниченные ареалы на Иртыше; если бы звуки «е» или «и» в кетских топонимах Иртыша были рефлексом гласного, среднего между этими звуками (т. е. закрытого «е» или открытого «и»), то оба варианта должны были бы располагаться на территории попеременно.

В продолжении XVIII и XIX веков енисейские кеты постепенно продвигались на Север, достигнув бассейна Курейки. У нас нет пока точных данных о том, какие группы кетов участвовали в этом переселении; естественно думать, что в основном это были насельники северной периферии XVII в., но среди них могли быть и представители более южных групп.

Во всяком случае, сейчас нет ни одного района, в котором проживали бы только представители одного говора. Правда, очень значительным стало перемещение кетского населения только начиная с 1917 года. В условиях строительства социализма в корне была разрушена вековая замкнутость этнических групп Сибири, которые теперь объединяются общими интересами. В результате этого мы сейчас встречаем на самом севере — на Курейке — представителей с далекого юга — Подкаменной Тунгуски, и наоборот. Важное значение имело бы точное выяснение состава населения по языку и установление мест первоначального жительства (родины) пришельцев — как для лингвистики, так и для этнографии. Большой материал такого рода собран Е. А. Алексеенко, который пока еще не опубликован.

На первых порах представители различных говоров на новом месте совместного проживания сохраняют все особенности своих родных говоров. Константность в употреблении языковых форм у одних и тех же лиц, но различных у разных лиц, указывает исследователю на то, что в данном месте проживают представители различных говоров. В этом случае смешанным является население, но различные говоры или диалекты сохраняются. Примером такого населенного пункта является пос. Ворогово, где проживают представители имбатского и сымского диалекта, полностью сохраняющие свои диалектные особенности. И во всех других местах проживания кетов можно встретить отдельных лиц или отдельные семьи, недавно переселившиеся сюда и сохраняющие полностью свой родной говор. Процесс выравнивания языка путем смешения — следующий этап в истории смешанного населения.

Под смешением языка (говоров, диалектов) мы понимаем лингвистический процесс преобразования системы языка, при котором в одну языковую систему входят те или иные

элементы другой системы, сосуществуя сначала, а потом вытесняя функционально адекватные элементы другой системы или способствуя их изменению. Что этот процесс начался, сигнализируется появлением в речи индивида особых, ситуативно обусловленных, отличных от его родного говора фонетических, морфологических или лексических вариантов, а также моделей предложения, которые он употребляет только в определенной ситуации, в зависимости от собеседника, — в беседе с представителем другого говора или диалекта: мы называем их ситуативными вариантами. Ситуативные варианты говорящим употребляются для того, чтобы облегчить слушателю восприятие сказанного и не дать ему повода из-за услышанной непривычной формы отвлечь свое внимание с содержания сообщения на эту форму и на субъект речи. Ситуативные варианты следует строго отличать от других вариантов, встречающихся в различных случаях употребления языка — от речестилевых, возрастных, половых, употребляемых лицами различного пола; от индивидуальных, которые употребляют лишь определенные лица и не являются помехой в общении, и факультативных, т. е. встречающихся в речи одного и того же лица без видимой мотивировки каждого из них. Ситуативные варианты коммуникативно ориентированы, в то время как появление других вариантов от конкретного собеседника не зависит.

Изучение ситуативных вариантов представляет исключительный интерес, так как оно позволяет нам понять закономерности образования общего языка на основе смешения первоначально различных говоров или диалектов.

Ситуативные варианты с формальной стороны представляют собою сочетание элементов родного диалекта с элементами чужого диалекта (или литературного языка). Выбор особенностей, перенимаемых из чужого диалекта, производится на основании наблюдения над языком собеседника и опробования выбранной формы путем ее употребления в речи. Два собеседника могут подстраиваться друг к другу взаимно — если ни один из участвующих диалектов не имеет ведущего значения, — или же один собеседник подстраивается к другому, диалект которого имеет по тем или иным причинам ведущее значение. Второй случай получил довольно развернутое освещение на материале немецких диалектов СССР.

Изучая немецкие диалекты Украины, В. М. Жирмунский заинтересовался тем, какие признаки смешивающихся диалектов исчезают в первую очередь и какие надолго удерживаются их носителями. Развивая дальше соответствующие высказывания, имевшиеся в предшествующей литературе по этому вопросу (К. Хааг, Ф. Вреде, А. Бах), В. М. Жирмун-

жий выдвинул плодотворную мысль о том, что в первую очередь исчезают так называемые первичные признаки говора, а потом уже вторичные. Правда, в определении этих понятий в разных работах В. М. Жирмунского наблюдается известное колебание, являющееся естественным следствием стадии первых поисков решения этого сложного вопроса³⁰), но нет сомнения в том, что он нашел правильное решение рассматриваемого вопроса.

Так как речь представляет собой деятельность двухстороннюю (говорящий — слушающий), необходимо всегда учитывать еще, для кого именно те или иные особенности языка становятся заметными или незаметными. Эта мысль получила свое развернутое изложение в моей статье, посвященной проблеме смешения диалектов³¹). Использование архивных материалов дало возможность установить, что заметные признаки нельзя просто отождествлять с лингвистически характерными или существенными. Конечно, признаки заметные очень часто являются также и существенными в языковой системе, но их выделение в данном говоре всегда зависит от конкретной ситуации речевого общения. Так, например, если первоначально были представлены говоры А и Б, то носитель говора А выделит одни признаки, как первичные; а если первоначально были представлены говоры А и В или Г, то он же выделит другие признаки. Это объясняется тем, что между диалектами одного и того же языка имеются не только различия, но и много общего, и соотношение этих элементов меняется от одного диалекта к другому. Таким образом, конкретный комплекс того, что следует называть первичными признаками, устранимыми из говора, зависит от данной исторической обстановки, а именно от конкретных противопоставлений языковых особенностей, возникающих в каждом случае диалектно-языкового взаимодействия. Отсюда выходит, что единственным критерием для выделения первичных и вторичных признаков должно быть то, является ли он для говорящего, делающего уступку, заметным или нет.

В этой же статье были выявлены и описаны различные факторы, которые влияют на направление процесса развития, и установлены речевые ситуации, в которых употребляются ситуативные варианты; главные из этих ситуаций — внутри-

---

³⁰) Ср. V. M. Schirmunski. Die schwäbischen Mundarten in Transkaukasien und der Südukraine. Teuthonista, Bd. 5, 1928/29.

Проблемы колониальной диалектологии. Язык и литература, т. 3, Л., 1929; Восточносреднемецкие говоры и проблема смешения диалектов. Язык и мышление, т. 6—7, Л., 1936; Процессы языкового смешения в франко-швабских говорах южной Украины. Язык и литература, т. 7, Л., 1931.

³¹) А. П. Дульзон. Проблема скрещения диалектов по материалам языка немцев Повольжья, Известия АН СССР, ОЛЯ, № 1, 1941.

семейная, внутрисельская, межсельская и речевое общение с чужими. Они усложняются еще тем, что собеседник может пользоваться диалектом или литературным языком. Впоследствии мною была выделена еще ситуация терциарной речи³²⁾, при которой речь непосредственно направлена на второе лицо, но имеется в виду третье, присутствующее, но не участвующее в речи. Если члены семьи говорят на одном диалекте, ситуативные варианты появляются в их речи только в тех случаях, когда говорящий передает свою беседу, имевшую место вне семьи с носителям другого говора. Надо добавить, что ситуативные варианты попадают также и во внутреннюю речь³³⁾, когда их употребления требует мысленная ситуация при беседе с мысленным собеседником. Для закрепления ситуативных вариантов в памяти внутренняя речь играет почти такую же роль как и внешняя, фактическая.

Рассмотрим вопрос о том, какую роль играет в отборе «заметных» признаков говорящий и слушающий, а также о том, чьи языковые особенности и у кого из них становятся ситуативными вариантами. На основании сделанных наблюдений было констатировано, что при взаимодействии двух говоров, говора А и говора Б, возможны следующие случаи:

1) носитель говора А выделяет некоторые особенности своего говора в сравнении с говором Б, т. е. он выделяет первичные признаки говора А (ПА) и первичные признаки говора Б (ПБ); тормозящими процесс общения для него являются только первичные признаки говора Б (ПБ);

2) носитель говора Б выделяет некоторые особенности своего родного говора по сравнению с говором А, т. е. он выделяет первичные признаки говора Б (ПБ) и первичные признаки говора А (ПА); тормозящими процесс общения для него являются только первичные признаки говора А (ПА).

Вторичные признаки носителями чужого говора хотя и воспринимаются, но ими не выделяются; а вторичные признаки родного говора незаметны для говорящих, и поэтому вторичные признаки смешивающихся диалектов могут быть установлены только исследователем, при этом лишь после того, как он выявит в конкретной обстановке первичные признаки.

Процесс выравнивания языка при наличии в одном и том же коллективе носителей различных говоров состоит в том, что устраняются особенности, тормозящие процесс общения, т. е. при наличии двух говоров должны исчезнуть первичные признаки либо говора А, либо говора Б. Какие именно осо-

³²⁾ А. П. Дульзон. Диалекты татар-аборигенов Томи. «Ученые записки Томского пединститута», т. 15, Томск, 1956, стр. 311 сл.

³³⁾ А. П. Дульзон. К вопросу о связи языка и мышления. «Вопросы языкознания», 1956, № 3.

бенности исчезнут, зависит от того, какой из взаимодействующих говоров является ведущим, определяющим направление языкового процесса. При ведущем значении говора А процесс выравнивания может быть выражен следующей формулой, в которой буква П означает первичные признаки говора А (П_А) или говора Б (П_Б), соответственно буква В обозначает вторичные признаки говора А (В_А) или говора Б (В_Б)

$$\left. \begin{array}{l} A + B = P_A + V_A \\ -P_B + V_B \end{array} \right\} = P_A + V_A = A \\ P_A + V_B = C_1$$

Как мы видим, часть населения будет и дальше пользоваться своим говором А; у носителей этого говора нет даже необходимости твердо запомнить особенности говора Б. Носители же говора Б, подстраиваясь под языковую норму говора А, отказываются от первичных признаков своего родного говора, введя взамен их в свой язык соответствующие особенности говора А, в результате чего возникает новый, смешанный говор С₁, который полностью вытесняет говор Б.

При ведущем значении говора Б процесс пойдет следующим образом:

$$\left. \begin{array}{l} A + B = -P_A + V_A \\ +P_B + V_B \end{array} \right\} = P_B + V_A = C_2 \\ P_B + V_B = B$$

В таком случае часть населения будет продолжать пользоваться своим родным говором Б. Носители же говора А вынуждены отказаться от первичных признаков родного говора, заменив их соответствующими особенностями говора Б, в результате чего возникнет новый, смешанный говор С₂, который полностью вытеснит говор А. Нормы нового смешанного говора могут сосуществовать с нормами ведущего говора в одном и том же населенном пункте до 150 лет и больше³⁴⁾, что может быть установлено по наличию индивидуальных вариантов для вторичных признаков периода начала процесса смешения.

Из приведенных соображений по поводу процесса смешения двух говоров вытекает, что на вопрос о том, какие особенности при этом исчезают и какие остаются, может быть дан и необходимо давать следующий ответ, учитывая оба взаимодействующих диалекта:

- 1) если говор А является ведущим, то в говоре Б сохраняются вторичные признаки и исчезнут первичные, которые будут заменены соответствующими особенностями говора А;
- 2) если говор Б является ведущим, то в говоре А сохраняются вторичные признаки и исчезнут первичные, которые будут замечены соответствующими особенностями говора Б.

³⁴⁾ А. Dulson. Ergebnisse und Aufgaben der volgadeutschen Sprachforschung, Engels, 1933, S. 162, ff.

При наличии большего числа первоначально представленных диалектов и ведущем значении диалекта А формула будет такова:

$$\begin{array}{l}
 A + B + B + \dots N = P_A + V_A \\
 - P_B + V_B \\
 - P_B + V_B \\
 - P_N + V_N
 \end{array}
 \left.
 \begin{array}{l}
 P_A + V_A = A \\
 P_A + V_B = C_1 \\
 P_A + V_B + C_2 \\
 P_A + V_N = C_N
 \end{array}
 \right\}$$

Из этой формулы ясно видно, что чем больше число участвующих в процессе выравнивания различных диалектов, тем легче побеждают нормы ведущего говора. Если эти диалекты свойственны только единицам, то достаточно наличия хотя бы небольшого компактного ядра населения с одинаковым говором для того, чтобы его говор стал ведущим.

Результатом процесса развития на представленном формулой этапе будет появление общности в языке всех жителей в виде комплекса особенностей P_A , которые в дальнейшем исключаются из числа конкурирующих вариантов. Если на следующем этапе развития возникнут новые ситуативные варианты из комплекса особенностей вторичных признаков первоначальных говоров $V_A, V_B, V_B \dots, V_N$, то говор А утратит свое преимущество, так как все эти особенности не тормозят процесса общения и выравнивание языка может быть произведено по любому из представленных вариантов. Значение внешнего фактора (численного превосходства) хотя и не устраняется целиком, но решающим для направления развития становятся теперь внутренние факторы — общие тенденции развития языка и стремление упорядочить систему.

Из всего, что было сказано выше, вытекает, что процесс выравнивания языка и образования смешанных диалектов отнюдь не является стихийным. Его направление определяется говорящими благодаря их сознательному и целеустремленному отбору способов выражения мысли на основе анализа имеющихся в их распоряжении языковых средств. Конечно, им неясны возможные последствия их языкотворческой деятельности, и они себе не ставят цели создания новой языковой системы — их непосредственной задачей является всегда только достичь взаимопонимания в каждой данной ситуации речевого общения.

Момент сознательности в языковом процессе обычно сильно преуменьшают, особенно когда речь идет о лицах, не имеющих школьного образования, приучающего человека к анализу языка. Это — ошибка. Каждый человек, владеющий языком, всегда в той или иной мере, в тех или иных конкретных случаях, обращает внимание на средства языка и проявляет к ним свое отношение. Но особенно острым внимание

к особенностям языка становится при наличии смешанного населения или при необходимости говорить с лицом, пользующимся другим диалектом или языком. В этих условиях люди выделяют не только грубые различия в грамматических формах, но и подмечают очень тонкие особенности артикуляции отдельных звуков у своего собеседника. Приведу пример. На Сургутихе одна из моих осведомительниц, старушка-кетка как-то заметила: «Ты, видно, не из русских; ты, наверное, селькуп?» На вопрос, почему это ей пришло в голову, она ответила: «Ты по-нашему говоришь хорошо, но иногда некоторые слова, вот слово бисеп, выговариваешь как наши селькупы». Она имела в виду то, что я вместо звонкого «б» произнес полувзвонкий звук, который я иногда, незаметно для себя, переношу из своего родного диалекта.

Остановимся теперь несколько на вопросе о том, какие именно языковые особенности выделяются говорящим как первичные и почему.

Следует прежде всего сказать, что в чужом говоре собеседники — носители двух говоров — в результате анализа выделяют все то, что тормозит процесс языкового общения. Легче всего подмечаются словарные расхождения; осведомители всегда знают примеры такого рода и сообщают исследователю, например: «Мы на Курейке говорим *hong* «рука», а на Елогуе говорят вместо этого *langat*». Быстро замечаются также расхождения в составе звуков одного и того же слова, если соответствующая пара звуков имеется в родном говоре, например: *имб. с'ул* — *сым. с'ур* «кровь». В данном случае мы имеем дело со звуками одинакового образования, но имеющими в смешивающихся говорах различное фонематическое значение или имеющих различное применение. Здесь иногда появляются дополнительные трудности взаимопонимания из-за возникновения омонимии при замене звука одного говора звуком другого говора. Несколько труднее выделяются случаи, в которых общее для обоих говоров слово имеет в своем составе чуждый для одного из них звук, например: *имб. хай*, *сым. фай*. В этом случае чуждый для говора звук заменяется соответствующим своим, функционально равнозначным. В данном случае говорящий эмпирически устанавливает существующие между говорами ряды звуковых соответствий и вводит услышанное слово в конкретный ряд.

Аналогично обстоит дело при наличии морфологического расхождения, проявляющегося в различии аффиксов при общей основе: говорящие быстро подмечают их, но, не усматривая в них функциональной разницы, в дальнейшем на них не обращают внимания и не переносят их в свой говор. Примером может служить различное образование множественного числа существительных в кетских говорах: «*саУан* — *са:н* «белки», этн — эдинг «соболи» и т. д. Если услышанное слово представляет собой полностью чужую лексему, то оно

воспринимается как слово чужого языка и чуждые звуки в нем заменяются звуками, близким по артикуляции, употребляемыми в родном говоре в той же позиции, например: кур. holak, из русского «полог». В этом случае правильное понимание артикуляции чуждого звука, как правило, отсутствует. Бывает, наконец, что звук чуждого говора образуется в том же месте и тем же способом, но имеет иной оттенок вследствие наличия дополнительных моментов в их артикуляции, например, когда звонким смычным согласным б, д, г соответствуют в другом говоре полувзвонкие. В этом случае чуждые звуки тоже заменяются близкими своими, т. е. либо звуками б, д, г, либо же звуками п, т, к. Надо отметить, что различие в звуках однородных подмечается только в чуждом говоре, и то не всегда. Эти особенности мало тормозят процесс языкового общения, так как это несколько затрудняет только процесс восприятия; они никогда не являются источником недоразумений, но отвлекают внимание слушателя с содержания речи на ее субъект, т. е. говорящего, и этим в известной мере снижают функцию языка как средства общения. Так как эти артикуляционные особенности говорящего, носителя чуждого говора, слушатель не в состоянии до конца анализировать, то он их и не в состоянии воспроизвести, и они не могут стать предметом обсуждения или неодобрительного отношения. Это — вторичные признаки фонетической системы говора. Вполне определенное отношение к себе могут вызвать у слушателя только такие артикуляционные особенности в чуждом говоре, которые он в состоянии воспроизвести; тогда только он сможет их противопоставить особенностям своего родного говора и сделать предметом обсуждения. Это — первичные признаки говора. Из сказанного выходит, что ситуативные варианты говорящим производятся на основе анализа языкового материала обоих говоров и выделения первичных признаков обоих говоров; первичные признаки своего родного говора он устраняет, вводя в свою речь первичные признаки говора своего собеседника; только возникновение омонимии при такой замене или же желание сознательно отграничиться в языке от чуждого говора может быть помехой к устранению первичных признаков родного говора и замене их признаками чуждого говора.

Мы описали процесс языкового смешения на его первоначальной стадии. Для этой стадии характерно то, что носители уступающего диалекта в той или иной мере знают чуждой, ведущий диалект, но не владеют им свободно, т. е. они — не двуязычны. Может случиться так, что в ходе дальнейшего развития ситуативные варианты, в результате частого употребления, станут факультативными, т. е. будут применяться вне зависимости от ситуации, и вытеснят совсем прежние первичные диалектные признаки носителей этих вариантов.

Этот процесс связан с учащением речевых ситуаций, при которых возникают смешанные языковые формы; смешанные формы становятся все более и более привычными и постепенно переносятся во все более узкую сферу применения языка, вплоть до внутрисемейной ситуации, в которой старые и новые формы некоторое время сосуществуют как конкурирующие варианты, а потом уже старые формы вытесняются новыми. В этом случае возникает новый, смешанный говор, который по конкретным историческим причинам может обособиться от ведущего диалекта и стать самостоятельным.

Вторая стадия процесса диалектно-языкового смешения начинается тогда, когда вторичные признаки языковых систем, участвующих в процессе, становятся заметными для всех членов смешанного коллектива и когда носители отступающего говора научатся воспроизводить вторичные признаки ведущего говора. Это предполагает уже не простое знание особенностей ведущего диалекта, как на первой стадии процесса смешения, но умение пользоваться им свободно, т. е. двуязычие. В продолжении известного времени эти признаки, ставшие теперь первичными, употребляются как ситуативные варианты, которые, к концу этой стадии, в результате частого употребления, станут факультативными. Смешанный говор, возникающий на этой стадии, максимально близок к ведущему говору: при устранении парности у факультативных вариантов наступает смена диалекта (или языка). Следует добавить, что на этой стадии процесса развития первичные признаки в качестве ситуативных вариантов чаще всего появляются сначала в речи молодого поколения в силу того, что оно легче практически усваивает чужой язык. Такого совпадения ситуативных вариантов с возрастными на первой стадии процесса смешения не наблюдается. Для уточнения закономерностей второй стадии процесса диалектно-языкового смешения было предпринято изучение диалектов ниже-томских тюрков, говоривших первоначально на восточно-тюркских наречиях и постепенно сменивших их на говоры татарские, т. е. ставшие западно-тюркскими³⁵). Отдельный говор этого района (говор дер. Эушта), исследованный мною в 1948 году, подробно описан в кандидатской диссертации М. А. Абдрахманова³⁶).

Говоря об особенностях второй стадии процесса диалектно-языкового смешения, следует подчеркнуть еще, что совсем необязательно, чтобы носители ведущей языковой системы, в особенности, если это — литературный язык, были представ-

³⁵) А. П. Дульзон. Диалекты татар-аборигенов Томи. «Ученые записки Томского пединститута», т. 15, Томск, 1956.

³⁶) М. А. Абдрахманов. К вопросу о закономерностях диалектно-языкового смешения (на материале тюркского говора дер. Эушта Томского района), Томск, 1960.

лены в данном населенном пункте большинством населения; их может быть совсем немного, важно лишь, чтобы носители говора знали эту норму и стремились к ее усвоению. Но из этого вовсе не следует делать вывода, что в таких случаях меньшинство побеждает большинство. Носители говора видят в ведущей языковой системе средство общения более крупного плана и подчиняются большинству народа, которое является носителем этой системы средств общения.

Процесс смены диалекта имеет известное сходство с процессом смены одного языка другим, неродственным, например, кетского русским. На первом этапе, когда нет еще двуязычия, носитель уступающего языка перенимает из ведущего только отдельные слова и выражения, в которых все чужие звуки заменяются близкими своими; отсутствие понимания чужой системы не позволяет перенять какие-либо морфологические элементы чужого языка: это становится возможным только, когда будет достигнуто двуязычие, и то лишь в ограниченных масштабах. Кроме заимствований ничего общего между обоими языками не имеется. Двуязычие чаще всего появляется у представителей молодого поколения. Процесс разрушения системы родного языка наступает тогда, когда навык в использовании чужого языка будет сильнее навыка использования родного языка. Можно было бы сказать, что это момент, когда чужой язык становится родным. Также двуязычные люди вносят различные изменения в свой родной язык. Часто они заменяют различные специфические звуки родного языка звуками ведущего языка или же просто выпускают их. Так, например, молодые кеты, владеющие русским языком лучше, чем своим родным как, правило, не произносят лабиализованного гласного среднего полъема и сретнего ряда, заменяя его звуком «е», т. е. вместо бь'н «нет» говорят беч; свое увулярное «к» они заменяют русским заднеязычным «к», т. е. вместо кам «стрела» произносят кам; они выпускают гортанный смычный, несвойственный русскому языку, т. е. вместо ке?т «человек» произносят кет и т. д. Начинают вытесняться и морфологические особенности родного языка, резко отличающиеся от системы чужого, как, например, лишительный падеж: вместо иленган дегдоУон «без еты остался» говорят: бес иленг дегдоУон. Недостаточное понимание формы родного языка часто сказывается в том, что к такой форме нередко прибавляется слово бес, из русского без, например: бес аман «без матери», бес типин «без собаки», бес кулан «без бороды», бес итынган «без зубов», или заменяют морфологическую форму описательным оборотом: кул' бенг'а «без бороды (бороды нет)». Влияние русского языка больше всего, конечно, в случаях внутрорегионального контактирования. Но она почти с наименьшей силой сказывается и в тех случаях, когда в одном и том же населенном пункте

нет ни одного русского; в этих случаях русский язык используется в межсельской речевой ситуации или в беседе с чужими; если же состав населения в данном населенном пункте является смешанным (кеты, эвенки, селькуны), то русский язык также используется во внутрисельской речевой ситуации. Так как круг общения жителей постоянно расширяется с вовлечением их в коллективную работу, то постепенно учащаются речевые ситуации, затрудняющие функционирование системы родного языка, что сказывается на навыке владения обоими языками и приводит в конце концов к смене языка.

А. П. Дульзон

КЕТСКИЙ ЯЗЫК

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
Томск — 1968

происхождение которой представляет крупный интерес вследствие того, что они, антропологически отличаясь от своих соседей и обнаруживая в своей культуре черты далеких южных культур, говорят на уникальном языке, не имеющем прямого родства ни с одним другим живым языком. До последнего времени этот язык оставался мало изученным и непонятым из-за ошеломляющего многообразия его грамматических форм. В данной книге описывается строй кетского языка на основе огромного материала, собранного в течение 20 лет во всех местах проживания его носителей. Автору удалось разгадать систему построения этого своеобразного языка и выяснить его связи с другими языками, относящимися к глубокой древности. Книга представляет интерес для лингвистов, этнографов, историков и антропологов, вообще для всех, интересующихся путями развития языка человека в древнейшие времена.

A. DULSON

THE KET LANGUAGE

Ответственный редактор — член-корреспондент Академии наук СССР, профессор доктор В. А. Аврорин

LOAN STACK

Индекс 7-1-1